С. Б. ВЕСЕЛОВСКИЙ

ТОПОНИМИКА НА СЛУЖБЕ У ИСТОРИИ

Производным с греческого языка словом топономастика, или, короче, топонимика, принято называть учение о географических названиях вообще, о названиях рек, озер, гор и т. п. топографических терминах, и о названиях городов и селений, о так называемых культурно-географических терминах. Топонимика в историческом разрезе изучает происхождение географических терминов, выясняет местонахождение несуществующих селений, изменения и смену одних терминов другими. Таким образом историческая топонимика является по существу очень важной частью исторической географии.

Топонимическая номенклатура привлекала к себе внимание еще писателей античного мира. Историки и различные писатели делали опыты толкования и объяснения устаревших и вышедших из употребления географических терминов и личных имен, прибегая преимущественно к этимологическому объяснению терминов. Цицерон говорил, что писатели в своих опытах этимологического толкования слов часто доходят до смешного. Этот метод филологического истолкования терминов, большею частью совершенно не научного, был в большом распространении и в средние века, но только в XIX в. исследователи сбратили серьезное внимание на топонимику и пришли к мысли использовать топонимический материал в своих работах.

Раньше и больше всего этим занялись филологи, и в настоящее время на Западе, а отчасти и у нас, существует большая топонимическая литература. К сожалению, как говорил проф. Д. Н. Егоров, «работа филологов и историков долгое время шла раздельно, без нужного соприкосновения и обмена; а с другой стороны, разные дисциплины пользовались далеко не совпадающим материалом: то признавалась всякая номенклатура, современная или недавнего прошлого, то, наоборот, более поздний материал совершенно отбрасывался, и пользовались исключительно названиями, удостоверенными традициями грамот или иных первоисточников» [1].

В нашей литературе можно указать, как на высокие образцы чисто филологических исследований, на работы академика А. И. Соболев-

---

[1] Д. Егоров. Славяно-германские отношения в средние века. Колонизация Мекленбурга в XIII в., т. I, М., 1915. Материал и метод. См. IX главу: «Материал топономастический», стр. 446—503.

ского и на диссертацию проф. Бодуэна де Куртенэ [1]. Образцом интересного и методологически поучительного сочетания филологического и исторического методов может служить работа проф. Бертье-Делагарда по топонимике Крыма [2].

Значение топонимики как вспомогательной исторической дисциплины многообразно. Проф. Егоров в указанном выше сочинении говорит: «В странах колонизационных, при смешанном этнографическом составе населения, при сплошном почти отсутствии достаточных общеисторических данных, топографическая номенклатура является нередко чуть не единственным материалом, который позволяет несколько поднять завесу прошлого» [3]. Это совершенно верное указание проф. Егорова особенно применимо к советской топонимике, так как в состав СССР входит ряд народностей, до недавнего времени не имевших своей письменности и, вследствие этого,— своих исторических источников. Но значение топонимики далеко не исчерпывается этим. Ниже на примерах будет показано, что топонимика оказывает историку помощь и в ряде других вопросов. Например, топонимика является совершенно необходимой при исследовании истории землевладения и истории социального строя тех периодов, от которых сохранилось очень мало памятников письменности.

Самым слабым местом топонимических исследований была — и в значительной мере остается до сих пор — слабо разработанная методика. Проф. Егоров, характеризуя литературу по топонимике XIX столетия, писал: «Безразлично брали данные, современные и старые, не заботясь о тех крупных изменениях, какие могли произойти в течение многих веков; «славянские корни» искали в любом без различия славянском языке, исторически хотя бы и никогда не связанном с данной местностью. Недостаточные знания по славистике довершали остальное: получались чудовищные иногда объяснения, и самая работа теряла всякий смысл» [4]. Проф. Егоров имел в виду главным образом исследования по территории прибалтийских славян, но его замечания применимы ко всей почти старой топонимической литературе. Бесспорно, что на методику работы следует обратить внимание прежде всего и больше всего.

Чисто филологические исследования топонимического материала преследуют свои особые задачи, отличные от задач историков, и имеют свои методические приемы работы, выработанные и принятые в языковедении вообще. Историк должен пользоваться помощью и достижениями филологов, вправе ожидать от них известной согласованности

---

[1] А. Соболевский. Русско-скифские этюды. «Изв. отдел. русск. языка АН», т. XXVII; Названия рек и озер русского Севера. Там же, т. XXXII; Бодуэн де Куртенэ. О древнепольском языке до XIV столетия, Лейпциг, 1870.

[2] Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде. «Записки Одесского общества истории и древностей», т. XXXII, Одесса, 1915.

[3] Д. Егоров. Указ. соч., стр. 446.

[4] Там же, стр. 447.

исследований, но не его дело учить языковедов в их специальности. Поэтому ниже я буду все время говорить о задачах и методах собственно исторических исследований и одновременно постараюсь показать, что может дать топонимика — как вспомогательная дисциплина — историку.

Топонимический материал, т. е. географические названия вообще, топографические названия (рек, озер, гор, урочищ и т. п.) и названия городов и селений имеют свои специфические свойства, в некоторых отношениях сходные с материалами археологии. Сходство в том, что топонимический материал, за редкими исключениями,— недатированный, т. е. время возникновения его неизвестно. В большинстве случаев неизвестно и его происхождение. Наконец, сходство также в том, что во многих случаях названия дошли до нас не в их первоначальном виде, а в измененном или искаженном теми источниками, из которых мы черпаем их. Из этих свойств топонимического материала вытекают основные методические требования.

Во-первых, совершенно недопустимо неразборчивое собирание материала и затем употребление его без предварительной критики. Прежде чем использовать собранный материал для исследования, необходимо подвергнуть его критике с точки зрения его происхождения и принять все меры к тому, чтобы установить правильную форму названия. Критика происхождения собственно топографических названий представляет большие трудности и нередко не приводит ни к каким положительным результатам, но критика происхождения названий селений нередко дает очень ценные результаты.

Во-вторых, следует осудить и оставить часто употребляемый исследователями прием произвольной выборки топонимических терминов, не считаясь с местом их нахождения и окружающими их терминами. Археологам хорошо известно, что археологический материал утрачивает почти всякую цену, если неизвестно место его происхождения. В топонимических исследованиях некритическая выборка терминов так же недопустима, как вырывание цитат из контекста памятников письменности.

Казалось бы, что указанные требования элементарны и неоспоримы, но в старой литературе по топонимике они часто не соблюдались; нередко игнорируются они и в новейших исследованиях.

Можно сказать, в виде общего правила, что чем старее топонимический термин, тем больше вероятность, что он дошел до нас в измененном или искаженном виде. Топографические термины, например названия рек, в общем гораздо старее названий селений. Предпринимая исследование, необходимо прежде всего постараться установить правильную форму термина. Это возможно, конечно, далеко не всегда, но относительно названий селений — нередко.

Естественно, что названия, заимствованные из других языков, подвергаются наибольшему риску искажений, как чуждые лексике и фонетике родного языка, и потому на них следует обращать особое внима-

ние. Крупные реки получили свои названия от неизвестных нам народностей в незапамятные времена. За многие века существования они не могли не «состариться» и не измениться. Между тем, филологи, не считаясь с данным обстоятельством, часто оперировали этими названиями. Отсюда всевозможные домыслы о финском якобы происхождении названий многих рек. Эти домыслы тем более легко было делать, что различные наречия древних финских племен нам совершенно неизвестны, как неизвестен разговорный (а не книжный, преимущественно церковно-славянский) язык древних славян.

Приведу несколько примеров искажения названий селений.

В 19 км от г. Александрова находится деревня Гидеево. Самый опытный филолог не объяснит нам происхождения этого названия. Самое большое, что он скажет: оно — не русское. При помощи актов можно установить правильное чтение этого названия и даже его происхождение. В писцовых книгах XVI в. это селение называлось Едигеево [1]. Вспоминая золотоордынского князя Едигея, который в начале XV в. произвел опустошительный набег на Московское княжество, мы поддадимся, быть может, соблазну увидеть в деревне Едигееве след влияния если не самого Едигея, который, произведя опустошение, ушел к себе в Орду, то какого-нибудь татарина, владевшего землей. Но и последнее предположение опровергается источниками. В третьей четверти XV в. у вел. кн. Марии был слуга Алферий Едигей, которому принадлежало указанное селение; от его прозвища оно и получило свое название [2]. Возможно, что Алферий Едигей был крещеным татарином, но это сомнительно, так как на Руси в XIV—XVI вв. было в большом ходу обыкновение давать прозвища по какому-нибудь так или иначе прославившемуся лицу.

Еще два примера. Справа от линии Северных дорог из Москвы в Загорск (б. Сергиев посад), на р. Талице, находится большое село Софрино. В «Списке населенных мест Российской империи» оно названо: Софрино, Сафорино. В XVI в. оно носило более правильное название: Сафарино и принадлежало Ивану Сафарину [3]. Сафарины были нерусского происхождения. В XV в. они были «сурожскими гостями», т. е. торговыми людьми, вероятно из Крыма. Уже фамилия Сафарины была, повидимому, искажением какого-то греческого слова. В дальнейшем Сафарино стало Сафориным и, наконец, Софриным.

Верстах в двух от с. Софрино в Талицу впадает небольшая речка, которая в «Списках населенных мест Российской империи» и на современных картах носит название Сумрак. Это название звучит, как русское слово. В актах XV—XVI вв. эта речка называется то Соимирь,

---

[1] Писцовые книги Московского государства, т. I, СПб., 1872, стр. 815.

[2] С. Шумаков. Обзор грамот Коллегии экономии, вып. IV, стр. 442; Всесоюзн. библ. им. В. И. Ленина, архив Троицко-Серг. лавры, кн. № 518, л. 558.

[3] Всесоюзн. библ. им. В. И. Ленина, архив Троицко-Серг. лавры, кн. № 536, док. 339.

то Соимерь, то Сумерь [1]. Очевидно, первоначальное название речки было чуждо людям того времени, они передавали его по-разному и постепенно руссифицировали в Сумрак.

Пример грубой руссификации иноязычного слова представляет название села Круглино, находящегося на юге от г. Дмитрова, при впадении р. Каменки в Яхрому. В первой половине XV в. оно принадлежало крещенным выходцам из Золотой орды Старковым-Серкизовым (Черкизовым) и называлось то Куралгиным, то Куралдиным, то Куралгинским. В середине XV в. Анна, вдова Федора Андреевича Старка-Серкизова, дала это село Кириллову монастырю, за которым оно было до секуляризации монастырских земель, а затем стало государственным селом (сотная грамота 1537 г.: «В Каменском стану села и деревни Кириллова монастыря: село Куралгино...») [2]. Как и когда это несомненно нерусское название превратилось в Круглино, неизвестно.

Пути искажения названий очень прихотливы и непонятны. Под стенами Троицкого монастыря протекает небольшая речка. В актах XV в. она носит название: Консера [3]. В писцовых книгах конца XVI в. она называется то Коншура, то Коншюра [4]. В настоящее время это грязный ручей, который местные жители называют Кончурá.

Приведу последний пример. Километрах в 20 от Москвы на р. Клязьме находится с. Траханеево, по храму — Успенское. Во второй половине XV в. это владение принадлежало Якову Козодавлю и по владельцу называлось Козодавлим или Козодавлевым. В конце века Яков Козодавль променял свое село вел. кн. Ивану III, а затем с. Козодавлево неизвестным путем досталось грекам Траханиотам. Во владенье Траханиотовых село по новым владельцам стало называться Траханеевым [5].

Некоторые исследователи брали и берут названия с первой попавшейся им карты или в каком-нибудь списке населенных мест и пользуются этими названиями без всякой критики. Между тем, даже на лучших картах и в лучших списках мы находим множество опечаток и грубых искажений названий. Возьмем, например, двухверстку Московской губернии Военно-топографического управления и приведем несколько примеров.

	Напечатано	Следует
3-й ряд, 5-й	Белый рост	Белый Раст
»	Алабушево	Алабышево
»	Радумля	Радомля
»	Старбеево	Стербеево
3-й ряд, 6-й	Баконьково	Бяконтово

[1] Архив Троицко-Серг. лавры, кн. 518, л. 487; кн. № 531, док. 195.

[2] ААЭ, т. I, № 371; Ленингр. публ. библ. им. Салтыкова-Щедрина, FQ. кн. № 113/6, лл. 738, 744; т а м ж е, лл. 737—738.

[3] Архив Троицко-Серг. лавры, кн. 518, л. 465 об.

[4] Писцовые книги Московского государства, т. I, стр. 79, 244.

[5] С. В е с е л о в с к и й. Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV—XVI вв., М.— Л., 1936, стр. 74.

	Напечатано	Следует
3-й ряд, 6-й	Ельдигино	Ельдегино
»	Чебытьева	Челобитьево
»	Кашутина	Лашутино
»	Свирлово	Свиблово
»	Баски	Баскаки
3-й ряд, 7-й	Спасское Коблуково	Спасское Клобуково

Приведенных примеров, которые далеко не исчерпывают всех искажений упомянутой карты, достаточно. О бесчисленных фонетических искажениях и говорить нечего. Ясно, что на таком материале без предварительной серьезной критики работать невозможно.

Если не говорить об опечатках, всегда возможных, то несовершенство географической номенклатуры на картах и в списках селений вполне понятно: собиранием этих материалов занимались чиновники, нередко малограмотные и всегда преследовавшие не научные, а практические цели. Допущенные вначале по небрежности или по невежеству ошибки с течением времени переходили с карты на карту, из одного списка селений в другой и становились прочной традицией. Так, например, указанное выше на двухверстке Свирлово взято из одноверстки окрестностей Москвы съемки 1852 г.

Устранить опечатки и мелкие искажения удается большею частью путем сопоставления нескольких печатных источников. В более трудных случаях приходится прибегать к архивным источникам, и здесь открывается огромное поле для будущих исследователей. Писцовые книги, актовые источники, карты генерального и специальных межеваний и так называемые экспликации к этим картам, не говоря о других разнообразных источниках, содержат огромный неисследованный материал.

Наконец, следует отметить желательность непосредственного собирания топонимических материалов путем сплошного обследования местностей и опроса местных жителей. Только таким путем можно собрать большое количество названий различных урочищ, мелких речек, оврагов и т. п., которые не попали и, наверное, не попадут ни на одну карту, ни в списки селений. Подобные местные названия изглаживаются с течением времени из памяти населения, подобно плодам фольклора, и с собиранием их следует спешить, так как пройдет, быть может, 40—50 лет, и от этих плодов народного творчества не останется никаких следов. Организация экспедиций, подобно археологическим и фольклорным экспедициям, особенно желательна по территориям отдельных народностей СССР, на которых местные названия быстро вытесняются новыми.

Говоря о происхождении топонимических терминов, следует отметить, что в местностях, где на протяжении веков сменялись разные народы, нередко наблюдается перевод старых названий на язык новой народности, занявшей место предшествовавшей народности. Бертье-Делагард в указанной выше работе по Крыму приводит ряд случаев перевода названий с одного языка на другой. Современное Дегермен-

кой (деревня) является переводом греческого Миляри, что на обоих языках значит: мельничная деревня. Улу-узень есть то же, что греческое Мегапотам — большая река. Наблюдая подобные случаи, Бертье-Делагард устанавливает, что дер. Демерджи, что значит по-татарски кузнец, есть то же, что селение, которое в генуэзских источниках называется Фонна, а в греческих — Фуна (возле Алушты). Фуна на местном греческом говоре значит: дымящая, что иносказательно есть то же, что кузница. Фонетические искажения, иногда чрезвычайно прихотливые, встречаются чаще, чем переводы, и Бертье-Делагард приводит ряд интересных и весьма поучительных примеров.

В любой местности есть немало селений, имевших, а иногда имеющих и в настоящее время, два и даже три названия. «Списки населенных мест Российской империи» и другие справочные издания дают двойные и тройные названия только в виде исключения. При исследовании необходимо принимать все меры к тому, чтобы установить все названия селения, древние и более новые. Нередко это удается сделать при помощи актовых и других источников, а иногда эти сведения можно получить путем опроса местных жителей.

В 29 км от Старицы находится большое село Кунганово. В первой половине XV в. оно принадлежало новоторжскому боярину Ивану Кунгану (или Кумганцу) и получило по владельцу новое название Кунганово, а старое название его было Хотунецкое, по храму — Воскресенское [1]. Слово кумган или кунган (медный кувшин-рукомойник с носиком) — восточного происхождения, но из приведенной справки ясно, что в селе Хотунецком-Кунганове нет никаких следов влияния Востока.

В 12 км на север от г. Мурома находится большое село, которое в списках населенных мест называется то Чаадаево, то Чеадаево. Обе формы названий являются искажением более старого названия — Чегодаево. Имея в виду татарское происхождение последнего названия, мы можем склониться к мысли о татарском, в данном случае, влиянии, но этот естественный, казалось, вывод опровергается источниками. Во-первых, более старым названием этого селения было Бестумицы, Бестуницы или Бестуницкое. Во-вторых, оно получило новое название по русскому владельцу. По актам, сохранившимся в Троицком архиве, известно, что в середине XV в. в этой местности была большая вотчина братьев Василия и Бориса Матвеевых. От Бориса, которому, кстати сказать, принадлежало сельцо Борисово, находящееся в 2 км от Чаадаева, пошла фамилия Борисовых, муромских (в отличие от Борисовых-Бороздиных, тверских). Один из сыновей Василия Матвеева, Василий, носил прозвище Чегодай или Чеадай. От Василия Васильевича Чегодая пошла известная фамилия Чаадаевых, из которой вышел писатель-философ Петр Яковлевич Чаадаев [2]. Таким образом и в данном случае иноязычное, казалось бы, название селения оказывается при бли-

---

[1] Памятники соц.-экономич. истории Московского государства, М., 1929, стр. 54.
[2] Архив Троицко-Серг. лавры, кн. 518, лл. 227—249.

жайшем исследовании обманчивым. Что же касается названия Бестумицы, то русское происхождение его не подлежит сомнению. Мне приходилось слышать слово бестумица в значении неурядица, бестолочь.

Еще один пример. В 2 км от Загорска (Сергиева посада) находится пруд, который на картах и у местных жителей называется Копниным прудом. Это единственный след исчезнувшего в XVII в. селения, которое в XV в. носило название с. Карамзинского, затем принадлежало вдове радонежского боярина Марии Копниной и по владелице стало называться с. Марьинским-Копниным. В писцовых книгах конца XVI в. оно называется Копниным [1].

Приведу последний пример. Под Москвой находится всем известное селение Тушино, знаменитое по событиям самозванщины и польской интервенции. В XIV в. оно называлось Коробовским. В 1380 г., после смерти боярина Ивана Родионовича Квашни, Коробовское досталось его третьему сыну — Василию, носившему прозвище Туша, и стало называться селом Тушиным. С последним названием Тушино и перешло в историю. Из приведенных примеров видно, какое большое значение при топонимических исследованиях имеет установление и историческое объяснение двойных и тройных названий селений.

Недатированность топонимических названий сильно понижает их качество как исторического материала. Датировка топографических названий, рек, озер, гор и т. п. совершенно невозможна. Относительно этих терминов приходится удовлетворяться датой первого упоминания того или иного термина в источниках. Относительно названий селений дело обстоит гораздо лучше. По источникам удается нередко установить приблизительно время происхождения того или иного названия, но при этом, конечно, приходится всегда иметь в виду, что это селение могло существовать под другим названием и раньше.

Вот опыт приблизительной датировки полусотни древнейших подмосковных селений на основании прозвищ и фамилий их возможных владельцев.

Акатово *	Акатий, боярин Ивана Калиты (см. ниже).
Аксаково *	Ив. Фед. Аксак Вельяминов, родоначальник Аксаковых; середина XV в.
Алабышева	Кн. Фед. Фед. Алабыш Ярославский; вторая половина XV в.
Белеутова *	Александр Андреевич Белеут; конец XIV в.
Бисерово *	Дано митрополичьему дому в первой четверти XV в. Бисером.
Бяконтово	Федор Бяконт; первая половина XIV в.
Вантеево	Вантей Андреевич Кобылин; вторая половина XIV в.
Волчево*	Вторая половина XIV в.
Волынское	Дм. Мих. Боброк Волынский; тогда же.
Воронцово	Фед. Вас. Воронец Вельяминов, середина XIV в.
Головино *	Ив. Влад. Голова Ховрин вторая половина XV в.
Дудина *	Вас. Родионович Дуда Квашнин; тогда же.

[1] Писцовые книги Московского государства, т. I, стр. 79; Архив Троицко-Серг. лавры, кн. 530, л. 600 об.; ЦГАДА, грамота Коллегии экономии, № 8751.

Дыдылдино	Вас. Демидов Дылда или Дыдылда, дворцовый дьяк вел. кн. Ивана III; вторая половина XV в.
Дюткино	Фед. Александр. Дютка Кобылин, начало XV в.
Жестово	Як. Конст. Жост Филимонов-Морозов; середина XV в.
Зюзино	Андрей Зюзя Шетнев; конец XV в.
Карамышева	Несколько Карамышевых упом. в XV в.
Картмазово*	В XV в. упом. несколько Картмазовых.
Клушино*	Ив. Ром. Клуша Белеутов; вторая половина XV в.
Колычево	Федор Александр. Колыч Кобылин; начало XV в.
Крюково	Бор. Куз. Крюк Сорокоумов-Глебов; вторая половина XV в.; или Ив. Фед. Крюк Фоминский; вторая половина XIV в.
Кутузова*	Фед. Александр. Кутуз Прокшин, конец XIV в.
Льялово	Кн. Конст. Фед. Стародубский, прозванный по вотчине Льяловским; вторая половина XV в.
Мячково*	Ив. Як. Мячко Олбугин, первая половина XV в.
Новосильцева	Як. Юр. Новосилец; конец XIV в.
Образцово*	Вас. Фед. Образец Симской, вторая половина XV в.
Лызлово	Сем. Мих. Лызло Бортенев; конец XV в.
Лысково*	Вас. Мих. Лыско Чертов; тогда же.
Одинцово	Андр. Ив. Одинец Домотканов; вторая половина XIV в.
Ощерино	Ив. Вас. Ощера Сорокоумов; вторая половина XV в.
Перепечина	Ив. Мартем. Перепеча Посульщиков; середина XV в.
Подушкина	Ив. Влад. Подушка, московский гость; вторая половина XV в.
Пояркова	Петр Ил. Поярок Квашнин, первая половина XVI в.
Пушкино	Григ. Александр. Пушка Морхинин; вторая половина XIV в.
Рожнова*	Мих. Никитич Рожон Пушкин; вторая половина XV в.
Сабурово	Фед. Ив. Сабур Зернов; вторая половина XIV в.
Саларева*	Сурожские гости Михаил и Дементий Саларевы сопровождали Дмитрия Донского в походе на Куликово поле (1380 г.)
Свиблово*	Фед. Андр. Свибло; вторая половина XIV в.
Собакино-Чашниково	Ив. Фед. Собака Фоминский; середина XIV в., несколько Чашниковых, торговых москвичей, упом. в XV в.
Троекурово	Кн. Мих. Львович Троекур Ярославский; вторая половина XV в.
Тушино*	Вас. Ив. Туша Квашнин, вторая половина XIV в.
Ховрино	Григ. Степ. Ховра; первая четверть XV в.
Черкизово	Иван Серкиз, ордынский царевич; середина XIV в.
Чулкова	Вас. Тим. Чулок Остеев; вторая половина XV в.
Шестова	Мих. Ив. Шест Филимонов-Морозов; конец XV в.
Шолохова*	Ив. Мих. Шолох Чертов; вторая половина XV в.
Щукино*	Фед. Юр. Щука Кутузов; конец XV в.
Юрлова	Тим. Мих. Юрло Плещеев; вторая половина XV в.[1]

Знаком * отмечены случаи, которые удостоверяются актовым материалом, летописями и другими источниками.

Слабым местом большинства топонимических исследований является выборочный метод собирания и обработки материала. Особенно упорно грешили и грешат в этом отношении филологи. Метод выборки состоит в том, что по разным источникам, чаще всего первым подвернувшимся под руки, набирают по разным соображениям в разных местностях названия селений, рек, озер и т. п. материал, вырывают его

[1] Главный источник — Родословные книги, напечатанные во «Временнике» Общ. ист. и древн. Росс.», кн. X, М., 1851.

из географического контекста и кладут в основу исследования. Так поступал, например, академик А. И. Соболевский в своих работах по топонимике рек. Несмотря на огромные познания автора, его выводы часто вызывают сомнения, кажутся неубедительными, а иногда вызывают даже недоумение. Недостаточность чисто филологического метода обработки материала становится очевидной, но не меньшие возражения вызывает подбор материала. Соболевский, конечно, всегда точно указывает местонахождение взятого названия, но не в этом дело, а в том, что названия выбраны по фонетическим или этимологическим признакам и оторваны от географического контекста. На деле это приводило к тому, что в основу исследования полагались названия преимущественно или исключительно крупных рек.

Едва ли можно сомневаться, что названия больших рек в общем более древнего происхождения, чем мелких притоков. Топонимика этих мелких речек, ручьев и озер известна нам очень плохо. Чтобы не быть голословным, приведу один очень показательный пример. Казалось, что территория быв. Московской губернии изучена много лучше других частей быв. Европейской России. По Московской губернии мы имеем ряд съемок — карты в двух-, трех- и десятиверстном масштабах, не считая ряда местных карт, например, карту окрестностей Москвы в масштабе верста в англ. дюйме (съемки 1852 г.). Кроме картографического материала, мы имеем ряд изданий, земских и частных. Что же оказалось при ближайшем исследовании?

В 1926 г. Общество изучения Московской губернии выпустило на правах рукописи труд И. Здановского «Каталог рек и озер Московской губернии», с приложением карты губернии в масштабе 6 верст в дюйме. Докладывая в Обществе о своей работе, Здановский говорил, что изученные им карты и различные материалы свидетельствуют «об отсутствии правильных и точных данных относительно направления течения отдельных рек и конфигурации некоторых озер и об отсутствии названий у большинства рек и озер». По подсчету Здановского, общее количество рек, не имеющих названий, достигает 1322, что составляет две трети рек, нанесенных им на карту. Такие реки показаны Здановским за нумерами. Нет никакого сомнения, что все эти безыменные, занумерованные Здановским мелкие речки имеют свои названия и представляют широчайшее поле для будущих исследований. При помощи опроса населения можно установить современные названия этих рек, исправить многочисленные ошибки на картах и составить таким образом полный каталог рек и водоемов. В дальнейшем совершенно необходимо привлечь к исследованию огромный материал напечатанных и ненапечатанных источников, различных актов, писцовых книг, карт генерального и специальных межеваний и т. п.

Только после такой предварительной работы мы будем знать топонимику своей родины и стоять на твердой почве в топонимических исследованиях. Филологические исследования старого типа, по методу произвольного подбора тех или иных названий, следует оставить и

взяться за более скромный и неизмеримо более полезный труд выполнения ряда местных исследований, охватывающих весь топонимический материал той или иной местности.

Метод выборки терминов по созвучию в самых разнообразных местностях и затем филологической их обработки дает небольшие результаты, большею частью весьма спорные. Максимальные достижения в этом направлении дает недавняя работа Е. А. Рыдзевской «К варяжскому вопросу. Местные названья скандинавского происхожденья в связи с вопросом о варягах на Руси»[1]. Рыдзевская тщательно собирает большой материал, обрабатывает его осторожно и обставляет свои выводы такими осторожными оговорками, которые нередко уничтожают самый вывод. Например, собрав большое количество терминов, в основе которых лежит «Берн», Рыдзевская замечает, что «число неясностей и осложнений, связанных с этой группой [названий], соответствует ее объему»... «При таком количестве материала, охватывающего очень большую территорию, как нельзя более реальной представляется опасность неправильного объединения однозвучных местных названий, которые, может быть, по своему происхождению вовсе не связаны». Тотчас же, однако, Рыдзевская прибавляет: «Это отнюдь не значит, чтобы такой метод объединенья был принципиально неправильным, но в каждом отдельном случае ошибки возможны». Что же выясняется далее? «Происхождение Берн в древнерусских памятниках от древнешведского Биорн вполне правдоподобно». Ниже оказывается, что группа литовских названий с основой Берн «требует, прежде всего, выяснения на почве литовского же языка». Этого объяснения Рыдзевская не дает, а еще ниже указывает, что Берн есть и в русском языке — это древнерусское берно. Она могла бы смело прибавить, что древнерусское берно — это то же, что современное слово бревно. Не обратив на это внимания, Рыдзевская находит, что названия селений Берново «вполне благополучно» объясняются происхождением от скандинавского Биорн, и прибавляет: «В Тверском крае в XV—XVI вв. известна фамилия Бернов. Возможно происхождение ее от местного названия, а не наоборот, но не исключено и это последнее». Так все исследование попадает в заколдованный круг объяснения одного неизвестного при помощи другого неизвестного.

При таком методе исследования ошибка в одном звене заключений делает непригодными все дальнейшие. Рыдзевской осталось неизвестным, что образование фамилии Берновы от селения Берново совершенно невозможно. Нет никакого сомнения, что путь образования названия был такой: какой-то новоторжец имел прозвище Берно (бревно), принадлежавшее ему селение по владельцу стало называться Берновым, а потомки Берна усвоили фамильное прозвище Берновы[2]. Фамилии, образованные по селениям или рекам, на которых находилось владение,

[1] Известия АН, 1934, стр. 485—532, 609—630.

[2] Новоторжские бояре Берновы упомянуты в летописях XV в.

всегда и неизменно имеют другую форму: от р. Письмы — Писемские, от р. Чельсмы — Зачесломские, от реки и селения Кучка — Кучецкие, от с. Выпова — Выповские, от с. Нармач — Нармацкие и т. п.

Если бы потомки Берна — Берновы получили свою фамилию от селения, то, несомненно, назывались бы Берновскими, а не Берновыми. Укажу, что в том же Новоторжском уезде, где на р. Тьме находится с. Берново, на той же Тьме находится с. Лаврово. По источникам XV—XVI вв. известно, что владельцы этого села усвоили фамилию Лавровские. Осторожные оговорки Рыдзевской не изменяют ошибочности ее вывода относительно «благополучия» объяснения о происхождении названия Бернова от скандинавского Биорна. И эта ошибка объясняется главным образом тем, что Рыдзевская методически вырывает топонимические термины из контекста окружающих их других терминов.

Филологи, и в том числе Рыдзевская, говорят обыкновенно вообще о «влияниях» на Русь других народов, о «следах» скандинавских влияний в топонимике, иногда рискуют говорить о «поселениях» скандинавов на территории Руси, оставивших будто бы следы в топонимике, игнорируя то, что «влияния» могли быть весьма различными и по форме, и по существу.

Заимствования и перенесение названий из одной среды в другую давно обратили на себя внимание и хорошо известны историкам. Англичане, шотландцы, ирландцы и голландцы, переселяясь в Северную Америку, принесли в Новый Свет множество названий своей родины. Наши переселенцы-крестьяне перенесли в XIX—XX вв. в Сибирь множество названий из тех губерний Европейской России, из которых они происходили. Историки отмечали, что многие названия Северо-Восточной Руси являются заимствованными из Юго-Западной, либо из Северо-Западной Руси. Приводили примеры: Переяславлю Русскому соответствует Переяславль Залесский и Переяславль Рязанский, Галичу на Волыни — Галич Мерский, т. е. в земле мерян, Владимиру Волынскому — Владимир на Клязьме, Стародубу Северскому — Стародуб Ряполовский и Стародуб Вотский за Окой и т. п. Указывали далее, что такие названия, как Коломна, Хотунь (большое село на запад от Коломны), Радонеж, Павшино, Першино, Прокшино и Гавшино (села под Москвой), принесены из новгородской земли [1].

На основании главным образом этих наблюдений была построена теория о колонизационном движении славян в Северо-Восточную Русь по двум направлениям — с юго-запада на северо-восток и с запада прямо на восток и на северо-восток. Было бы неуместно подвергать критике и пересматривать этот важный и сложный вопрос, но в статье

---

[1] По летописям и писцовым книгам Новгородской области конца XV в. мы знаем, что в Новгороде пользовались большим распространением формы имен: Гавша — Гавриил, Павша — Павел, Парамша — Парамон, Данша — Даниил, Прокша — Прокофий, Перша — Порфирий, Степша — Степан и т. п.

О топонимике необходимо обратить внимание на то, что миграция названий бывает разных родов. В одних случаях название могло быть принесено переселенцем и являться таким образом реальным следом колонизационного движения. В других случаях речь идет о заимствовании слова, и заимствованное название говорит только о культурных влияниях, но ничего не говорит о переселении лиц. И колонизационные передвижения могли быть двух родов: в одном случае можно говорить о народном, массовом, действительно колонизационном движении, в другом — о переселении только отдельных лиц.

Таким образом возникает вопрос, возможно ли определить характер и значение заимствования топонимических терминов. Во многих случаях это возможно, и можно наметить в заимствованных названиях 4 группы: 1) названий несомненно словесных; 2) названий массово-колонизационных; 3) лично-переселенческих и 4) названий сомнительных, которые лучше откидывать и не принимать во внимание в вопросе о передвижениях народностей.

В виде общего правила названия, не связанные этимологически с именами и прозвищами лиц и не выражающие принадлежности селения тому или иному лицу, являются самым надежным свидетельством колонизационного происхождения термина. Как на пример подобного рода названий можно указать на селения с окончанием на «неж».

В быв. Московском уезде, на юг от г. Загорска, находится селение Городок Радонеж. В «Списке населенных мест Российской империи» оно обозначено просто как Городок. Против Радонежа, за р. Торгошей, в XVI в. была деревня Веленеж [1]. Севернее этих селений, в быв. Переяславском, а позже в Дмитровском уезде, в XVI в. упоминается тоже несуществующее селение — починок Буденеж [2]. На восток от последнего селения, в быв. Ростовском уезде, в Карашской слободе, позже в Карашской волости, существует селение Андронеж, известное по актам конца XV в. [3]. Наконец, у Соли Галицкой в первой половине XV в. упоминается не то селение, не то урочище — Славонеж [4].

Нет сомнения, что все указанные названия являются составными из корневых: радо-, веле-, буде-, андро-, славо- и из окончания «неж». Совершенно такого же склада названия с окончаньем на «еж» мы находим в большом количестве на территории быв. Новгорода Великого. В частности, мы находим ряд селений с окончанием на «неж»: Витенеж, Гостенеж, Меренеж, Милонеж, дважды Радонеж, Славонежицы [5]. Выяснять, что означает частица «неж»,— это дело филологов. Частица «неж» в ряде новогородских названий является как корневая часть, например, Нежно, Нежково, Нежатино, Неговичи, Нежицы, Нежковичи

---

[1] Архив Троицко-Серг. лавры, кн. 536, № 225.

[2] Там же, кн. 531, док. № 147.

[3] Моск. гос. ист. музей, Синод. собр., кн. 276, л. 20.

[4] Архив Троицко-Серг. лавры, кн. 518, л. 309 об.

[5] Новгородские писц. книги, т. I, стр 802, 804, 819; т. IV, стр. 16, 551; т. V, стр. 234, 553; т. VI, стр. 107.

и т. п. В названии Гостенеж — корень гость, приезжий торговый человек. В Новгородской области много названий, производных от гость: Гостнег, Гостево, Гостелюбле, Гости, Гостехово, Гостибицы и Гостилицы, Гостилово, Гостижи и т. п.[1].

Безусловно, этимология всех приведенных выше названий тождественна. С большой вероятностью можно сказать, что в Северо-Восточную Русь они были принесены переселенцами из Новгорода и что в таких названиях мы имеем дело не с заимствованием слов, а с действительно колонизационным движением. Чтобы выяснить пути и размеры этого движения и прочно обосновать свои выводы, необходимо, конечно, большое количество фактов, а не случайная выборка первых попавшихся названий. Работу следует вести с картами в руках и наносить на них критически проверенные названия.

Ведя исследование таким образом, мы приходим к интересным выводам. По мере продвижения прямо на восток от Валдайской возвышенности, где господствуют названия селений новгородского происхождения, новгородские названия идут в общем на убыль, довольно равномерно до р. Мологи или до меридиана Твери. Далее на восток количество новгородских названий резко падает, и на территории княжеской Руси XV в. названия, несомненно новгородские и принесенные переселенцами из Новгорода, попадаются как редкое исключение из массы названий местного происхождения.

Названия селений, производные от имен и прозвищ лиц, во многих случаях являются заимствованием слов и вовсе не свидетельствуют о колонизационном движении. Иногда мы имеем возможность предполагать или даже можем доказать, что то или иное название принесено на Русь пришельцем из-за рубежа, но такие факты дают право говорить о переселении отдельных, большею частью состоятельных, лиц, которые имели средства купить землю, а не о народном колонизационном движении.

На территории Московского княжества находятся три селения с очень характерным названием Бяконтово: Бяконтово в 5 км от Подольска, другое — в 40 км на север от Москвы, на границе быв. Дмитровского уезда, и Буконтово в 15 км от Волоколамска. Это чуждое великорусскому языку название занесено выходцем из Чернигова Федором Бяконтом, по родословным преданиям и по житию митрополита Алексея — боярином, приехавшим в Москву в конце XIII в. Федор Бяконт занял в Москве высокое положение, был боярином Ивана Калиты и стал родоначальником нескольких боярских фамилий. Митрополит Алексей был его старшим сыном. В данном случае топонимика говорит не о колонизационном движении в собственном смысле слова, а о переселении из Юго-Западной Руси в Москву богатого человека.

Выше было упомянуто, что в Новгородской земле (как вообще в

---

[1] Новгородские писц. книги, т. III, стр. 59, 172, 219, 518, 643; т. VI, стр. 47, 96, 517 и по указателю.

Западной Руси) были в большом употреблении особые формы христианских и нехристианских имен, вроде: Гавша (Гавриил), Перша (Порфирий), Павша (Павел), Данша (Даниил), Алехно (Александр), Прохно и Прокша (Прокофий), Стехно и Стенша (Степан), Ратша (Ратибор) и т. п. На территории быв. Московской и Владимирской губерний мы находим несколько селений с названиями, производными от этих новгородских форм имен: Павшино, Прокшино и Першино — под Москвой, Гавшино — в 16 км от Рузы и в 6 км от Серпухова, Гавшино — на Киржаче, в 13 км от Александрова, Алехново — на р. Истре, в 37 км от Звенигорода.

В данных случаях о народной колонизации едва ли может быть речь. В лучшем случае можно говорить об отдельных состоятельных лицах, переселившихся в Московское княжество, купивших землю и давших названия основанным ими селениям. Но и здесь следует быть очень осторожным в выводах. Например, Алехново на Истре, несмотря на западнорусскую форму своего названия, не имеет ничего общего с Западной Русью, о чем мы узнаем совершенно случайно. Дело в том, что на р. Истре, где находится деревня Алехново, в начале XV в. была большая вотчина Белеутовых. В первой четверти века Феодосий Александрович Белеутов отъехал с детьми от московского князя в Литву. Сам Феодосий был убит при неизвестных обстоятельствах в Литве, а его сыновья Александр (Алехно) и Михаил в середине XV в. вернулись на родину. Все вотчины Феодосия за его отъезд были конфискованы, но его братья Роман и Федор были боярами вел. кн. Василия Темного и, поддерживая честь своего рода, дали своим племянникам, вернувшимся на родину, участки из своих вотчин. От Александра (Алехно) и получила свое западнорусское название существующая ныне деревня Алехнова.

Чтобы дать сколько-нибудь удовлетворительный ответ на вопрос, как возникают и образуются названия, есть ли в этом процессе какая-нибудь закономерность или все определяется случаем, необходимо несколько изменить постановку вопроса. Пути образования названий чрезвычайно разнообразны. Одно дело — названия топографические, например, названия рек, озер, гор и т. п. Другое дело — названия селений. Если говорить только о селениях, то одно дело — названия селений в местности, которая на протяжении нескольких веков занималась одной и той же народностью, и совершенно иначе обстоит дело в местностях, где на памяти истории сталкивались и сменялись различные народы. Поэтому вопрос об образовании названий всегда следует ограничивать и говорить не вообще, а применительно к определенной территории и в зависимости от ее исторических судеб. Ограничивая по указанным соображениям поле наблюдений и взявши, например, территорию междуречья Волга — Ока, мы можем констатировать, если не закономерность, то, во всяком случае, некоторые пути.

В междуречье Волга — Ока названия селений, изменяясь по районам, дают в общем довольно определенную картину: от 50 до 60%

названий происходят от имен или прозвищ владельцев земли или основателей селений. Все остальные названия можно разделить на несколько групп. Довольно значительную группу составляют названия, данные селению в зависимости от топографии или ландшафта местности. Таковы например, названия: Горки, Загорье, Заболотье, Подмошье, Заречье, Заозерье, Заовражье, или: Поддубье, Заборовье, Вишенки, Раменье, Березник, Березки, Березовая, Дуброва, Запонорье (от р. Поноры, при которой стоит село), Набережная (на р. Клязьме), Каменка и т. п.

Небольшую группу составляют селения, названные по храмам. В большинстве случаев эти названия позднего происхождения и даны вместо старых названий иного происхождения. Говоря вообще, всегда следует считаться с возможной заменой одного названия другим и с случаями двойных и тройных названий, из которых в современных списках селений показывается только одно какое-нибудь название.

Общее наблюдение, нуждающееся, конечно, еще в проверке, состоит в том, что древнейшими названиями являются производные от собственных имен, вроде: Михайловское, Ивановское, Вельяминово, Микульское и т. п. С XIV в. входят в обыкновение прозвища, и второй по времени слой названий данной местности составляют названия селений, производные от прозвищ. Полсотни подобных названий подмосковного района приведены выше. Названия, данные по храмам, все более позднего происхождения. Следует еще заметить, что замена одних названий другими наблюдается чаще всего в XIV и XV вв. С конца XV в. правительство начинает производить периодические описания, названия селений фиксируются в официальных документах, и случаи замены старого названия новым становятся крайне редкими.

Количество названий, явно заимствованных из нерусских языков, весьма невелико и очень пестро по составу и происхождению, в общем оно не превышает 3—5%. Это, конечно, не значит, что в древности не было таких селений, а значит только то, что старые названия либо исчезали с селениями, либо были заменены другими, русскими.

Приведу один пример, взяв его из района несомненно очень древних поселений славян. На юг от озера Неро (Ростовского), между реками Сарой и Нерлью, находилась слобода Караш-Святославля. В глубокой древности мимо западной окраины слободы проходил водный путь из бассейна Волги в бассейн Клязьмы[1]. В бассейне Сары археологи обнаружили места поселений доисторических времен. Территория Караша занимала от 18 до 20 тысяч десятин. По описанию конца XV в., на этой территории было 237 селений. Большинство селений — мелкие деревни в 1—2 двора. В настоящее время на этой территории всего 43 селения[2]. Среди всей этой массы селений обращают

[1] От Ярославля поднимались по Которосли до оз. Неро, заходили в Ростов, затем, пройдя Неро, поднимались вверх по Саре до волока в Дубец, приток Нерли, по Дубцу и Нерли, минуя Суздаль, доходили до Клязьмы.

[2] С. Веселовский. Указ. соч., стр. 116—118.

на себя внимание восемь: Баскач, Караш, Андронеж, Итларь, Килгино, Чернокуново, Толмачево и Бикань. Все остальные названия столь несомненно русские или обрусевшие, что никаких выводов по ним строить нельзя. Баскач можно объяснить так же, как присутствие деревни Баскачей на Клязьме под Москвой: во второй половине XIII в. здесь жил ханский баскак для наблюдения за сбором проезжих пошлин на волоке. Быть может, на то же указывает название дер. Толмачева. Толмач — испорченное татарское слово, означающее переводчик. Чернокуново вызывает в памяти те отдаленные времена, когда меха играли роль денежных знаков; слово куны значило вообще деньги, и население, не пользовавшееся никакими привилегиями, платило «черный бор» (в Новгороде) и «черные куны». Андронеж, как было сказано выше, несомненно, новгородского происхождения. Если здесь были когда-нибудь новгородские поселения, то от них остался только один этот след. Караш и Килгино, повидимому, татарского происхождения, но каким образом они попали в слободу Святославлю, т. е. какого-то Святослава, неизвестно. Остаются загадочные Бикань и Итларь. Из летописей известно, что половецкий князь Итларь пришел с большой дружиной к Владимиру Мономаху, чтобы заключить с ним мир, но был вероломно убит со всей своей чадью. Каким образом имя этого половецкого князя XI в. попало под Ростов и стало названием небольшой деревушки, догадаться невозможно.

Итак, мы видим, что уже в конце XV в. в Карашской слободе, в районе, несомненно, очень старых поселений, от древней топонимики селений остались ничтожные следы.

Исправление испорченных названий и освещение их истории при помощи актов и других источников имеет характер счастливых случайностей. Гораздо большие возможности открываются при употреблении метода комбинирования данных топонимики селений с данными генеалогии. Это понятно: большинство названий селений, по крайней мере в центральных районах быв. Европейской России, происходит от имен или прозвищ их бывших владельцев. Этимологически самая форма названий говорит обыкновенно о принадлежности того или иного селения определенному лицу: Михайловское, Ивановское, Микульское, Авдотьино, Настасьино, Свиблово, Кутузово, Сабурово и т. п. По приблизительному подсчету, количество подобных названий на территории быв. Московской губернии достигает 60% всего числа названий существующих ныне селений. Генеалогия значительно пополняет данные памятников письменности и, главное, дает возможность нередко связать разрозненные данные топонимики.

В бассейне р. Вори (притока Клязьмы) мы находим три селения: Клобуково-Спасское, Сукманиху и Топорково. Клобуково лежит на Вори, при впадении в нее р. Лашутки. В 2 км от Клобукова на Вори же находится Сукманиха. В 8 км от Сукманихи, на юг, при р. Любсивке (приток Вори) — Топорково. Все эти селения в XV в. были вотчинами Топорковых, частью сохранившимися за ними и в XVI в.

В середине XV в. Федор Клобук Топорков дал митрополичьему дому свой вотчинный монастырь св. Ильи на Вори с прилегающими к нему землями [1]. Потомство Клобука приняло фамилию Клобуковых, из которой в XVI в. вышло пять выдающихся дьяков. Спасское, называвшееся ранее Клементьевым (вероятно, по владельцу), во владенье Клобуковых стало называться Клобуковым. Брат Клобука — Тимофей носил прозвище Сукман, и ему во второй половине XV в. принадлежало селение, получившее название Сукманиха. От Тимофея Сукмана пошла фамилия Сукмановых, которым удалось удержать в XVI в. лишь небольшие клочки вотчины [2]. Относительно селения Топоркова мы не имеем документальных данных, но, судя по изложенным фактам, принадлежность его Топорковым не подлежит сомнению. Таким образом путем комбинации топонимических и генеалогических данных удается датировать (приблизительно, конечно) указанные селения и установить факт существования в бассейне Вори целого гнезда Топорковых, владевших довольно крупными вотчинами.

При помощи того же метода мы можем иногда заглянуть в такую глубь времен, от которой не сохранилось памятников письменности. На юго-запад от Москвы, в бассейне р. Ликовы, находятся три селения: Акатово, Мешково и Волуево-Покровское. В источниках об этих селениях мы имеем только поздние сведения. В первой половине XVI в. значительная часть земли под этими селениями принадлежала сыновьям Михаила Волуева: Григорию Мешку, Василию и Андрею. Сыновья Василия и Андрея Михайловичей в 1566, 1568 и 1570 гг. по трем купчим продали И. В. Шереметеву три участка земли к его селу Шильбутову [3]. Село Волуево от Григория Мешка перешло к его сыну Леонтию, а затем к внуку Григорию Леонтьевичу, прославившемуся как воевода во время событий начала XVII в. Григорий Леонтьевич имел сына Ивана и двух дочерей, из которых одна вышла замуж за кн. М. Мещерского, а другая — за Н. Карамышева. Обе получили от отца по участку земли от с. Волуева, а само село в первой четверти XVII в. принадлежало, по половинам, сыну Григория — Ивану и вдове Степана Волуева — Ульяне [4].

В приведенных источниках мы видим обычную картину дробления старых крупных вотчин между сонаследниками и распродажи их по клокам, но ничего не находим о предшествовавшей истории вотчины. Последний вопрос освещает генеалогия Волуевых.

Родоначальником Волуевых был Акатий, живший в первой четверти XIV в. Его сын Василий Акатьевич был боярином вел. кн. Симеона

---

[1] ААЭ, т. I, № 75.

[2] Архив Троицко-Серг. лавры, кн. 637, л. 289 об.

[3] Ленингр. публ. библ. им. Салтыкова-Щедрина, FQ IV, № 113/а, лл. 651, 637, 647.

[4] Холмогоровы. Исторические материалы о церквах и селах XVI—XVIII столетий, Пехрянская десятина, т. VIII, М., 1890, стр. 113.

Гордого[1]. Сын Василия Акатьевича Тимофей, носивший прозвище Волуй (несъедобный гриб из породы сыроежек), прославился как соратник Дмитрия Донского: на Куликовом поле он командовал Владимирским и Юрьевским полками и был убит (1380 г.). От Тимофея Волуя пошла фамилия Волуевых.

Сопоставляя эти генеалогические данные с топонимическими и актовыми, мы приходим к выводу, который едва ли может быть оспариваем: в первой половине XIV в. на р. Ликове находилась большая вотчина Акатия, вероятного боярина Ивана Калиты.

В данном случае топонимический материал дополняет данные актового материала и почти на два столетия расширяет рамки исследования.

Сочетание топонимических данных с актовыми источниками и генеалогическими данными позволяет написать интересную страницу из истории рода Пушкиных. А. С. Пушкин, как известно, гордился своим происхождением от полулегендарного витязя Ратши и 600-летней древностью своего рода, но истории своего рода не знал. Не знают ее и современные пушкинисты, хотя много занимались Ганнибалами и другими ближайшими предками А. С. Пушкина[2]. По летописям и актам мы можем установить, что потомки Ратши служили вел. кн. Александру Невскому, затем его сыну Андрею Городецкому, после смерти последнего (1304 г.) — Михаилу Тверскому и, наконец, около 1338 г. выехали в Москву. В Москве Ратшичи заняли очень высокое положение и приобрели многочисленные вотчины во многих уездах Московского и великого княжений. Последний факт удается установить главным образом при помощи топонимического материала.

Актовый материал о землевладении Пушкиных невелик и позднего времени: это 2 акта второй половины XV в., несколько актов XVI в., несколько указаний в разных источниках и в позднейших писцовых книгах. Посмотрим, что нам дает топонимика. Предварительно сделаем генеалогическую справку. Один из сыновей Григория Пушки (Василий) носил прозвище Улита, а другой (Федор) — Товарко; один из внуков имел прозвище Рожон (Михаил Никитич). Наконец, один из правнуков, живший в конце XV в., носил прозвище Муса (Мих. Тим. Улитин).

С именем Григория Пушки, жившего во второй половине XIV в., связаны следующие существующие ныне селения: Пушкино на р. Уче в 26 км от Москвы, 3 селения в быв. Бронницком уезде Московской губернии, в 3 и в 21 км от Бронниц, Пушкино в 16 км от Богородска, Пушкино-Андриановское в 21 км от Москвы, Пушкино в 26 км от Подольска и, наконец, два Пушкина в быв. Верейском уезде, в 15 и в

---

[1] СГГиД, т. I, № 21 и 23.

[2] Для современного положения вопроса показательна вышедшая в 1937 г. в издании «Советский писатель» книжка М. Вегнера «Предки Пушкина». Внимание Вегнера, как и прежних пушкинистов, обращено на XVIII в., а сведения его о предшествовавшей 500-летней истории рода Пушкиных отрывочны и невелики. О родоначальнике Пушкиных Вегнер мог сказать только: «Как будто вполне реален также Григорий Александрович Пушка» (стр. 157).

67 км от Вереи. С прозвищем Федора Товарка Пушкина, жившего в первой половине XV в., связана деревня Товарково, в 10 км от Рузы. С прозвищем Михаила Рожна, жившего во второй половине XV в., связаны Рожново на р. Десне, в 25 км от Подольска, и деревня Рожнова в 20 км от Звенигорода. С прозвищем Михаила Мусы связана деревня Мусина в 19 км от Волоколамска.

Конечно, полной уверенности в том, что все указанные селения принадлежали Пушкиным, быть не может, но топонимические показания в значительной мере подтверждаются актовыми источниками, что придает им большую цену. Например, деревня Рожнова в Звенигороде еще в XVII в. принадлежала Пушкиным, и в том же уезде, в недалеком расстоянии от нее, у прямых предков А. С. Пушкина была большая вотчина — с. Синее Семеновское и Мушков погост. По актам и писцовым книгам XVI—XVII вв., у многочисленных потомков Григория Пушки были вотчины и поместья в Горетове и Сурожском станах Московского уезда, в соседних с Сурожским станах Дмитровского уезда, западнее — в Рузском уезде и в Волоколамске, на юг от Москвы — в Подольском и Серпуховском уездах. С другой стороны, следует заметить, что, по общему наблюдению, названия селений, производные от прозвищ, давались обыкновенно тем лицом, которое носило прозвище, а не его потомками, носившими фамилию, образованную от прозвища.

В общем, несмотря на возможные поправки в подробностях, можно считать доказанным и несомненным, что Григорий Пушка и его ближайшие потомки были богатыми и многовотчинными людьми и со второй половины XIV в. прочно осели в Московском княжестве, в тех его пределах, которые оно имело в XIV—XV вв. Без помощи топонимического материала этого интересного вывода мы сделать не могли бы.

Приведенные примеры относительно землевладения Топорковых, Волуевых и Пушкиных освещают сравнительно небольшой вопрос — о боярском землевладении. Применяя тот же метод комбинирования данных топонимики и генеалогии, мы получаем иногда выводы более интересные и более значительные с исторической точки зрения.

Приведу сначала необходимые генеалогические справки. По генеалогическим данным (см., например, Государев родословец и Бархатную книгу), при вел. кн. Дмитрии Донском выехал в Москву из Золотой орды царевич Серкиз и при крещении получил имя Иван. Был ли он действительно царевичем, это неважно, так как сын Серкиза — Андрей Иванович Серкизов — был, несомненно, историческим лицом. В летописях и в синодике Успенского собора мы находим сообщения, что Андр. Ив. Серкизов на Куликовом поле командовал Коломенским полком и был убит в бою. Сын Андрея Ивановича Федор носил прозвище Старко, и от него пошла боярская фамилия Старковых, вымершая в конце XVI в.

Вторая справка. Во многих частных родословцах фигурирует род Мячковых. По родословным преданиям, Мячковы происходили от Ивана Мячко, внука татарского посла Олбуги, который приехал из «Тевриж-

ского государства» к вел. кн. Дмитрию Донскому, но не вернулся на родину, а остался в Москве и крестился. Это предание правдоподобно, так как в Орде после смерти Узбека происходили хронические перевороты, выбрасывавшие из Орды в разные стороны людей, потерпевших поражение в борьбе претендентов на ханский престол. Во всяком случае, Иван Яковлевич Мячков (внук Олбуги) был лицом исторически несомненным и жил на рубеже XIV—XV вв. [1].

После этих генеалогических справок перейдем к данным топонимики и к актовым материалам, чтобы путем комбинирования их восстановить исторические факты.

С именем Серкиза связаны 4 существующих ныне в быв. Московской губ. селения. Первое расположено под Москвой, на р. Сосенке,— Черкизово, и ныне вошло в черту г. Москвы. Отмечу, что возле этого Черкизова в писцовых книгах XVI в. упоминается дер. Алымово [2], позже — Алымово-Богородское, а затем просто дачный поселок Богородское. Второе Черкизово находится в 20 км от Москвы на р. Клязьме, в бывшем Бохове стану Московского уезда. Третье Черкизово находится в 24 км от Москвы, между р. Всходней и верхним течением Клязьмы, в быв. Горетове стану. Наконец, четвертое Черкизово мы находим в 13 км от гор. Коломны, на р. Москве. В 2 км от этого Черкизова находится селение Старков погост.

Есть ли основание утверждать, что эти 4 села принадлежали царевичу Серкизу? Я думаю, что есть и что относительно коломенского Черкизова утвердительный ответ на этот вопрос не подлежит сомнению. В самом деле, продолжим топонимические изыскания. Километрах в 12 на запад от коломенского Черкизова находится селение Настасьино на р. Северке, а км в 5 от Настасьина — с. Мячково. Это Мячково не следует смешивать с другим Мячковым, находящимся на р. Москве, при впадении в нее Пахры, и известным своими древними каменоломнями. Близкое соседство Старковых-Серкизовых и Мячковых в данном случае может показаться случайностью, но тот факт, что оно наблюдается и в других местностях, заставляет отнестись к нему внимательнее.

На восточной окраине Московского великого княжения, в б. Гороховецком уезде, мы находим селения: Мячкову слободу, на р. Клязьме, и в 8 км от Мячковой слободы — с. Старково. Затем, в быв. Юрьевском уезде, в 21 км от г. Александрова, на р. Богане, находится с. Мячково. Ближе к Александрову лежит дер. Макарова. По источникам, дер. Макарова перед 1571 г. была вотчиной Злобы Васильевича Мячкова [3]. Нет сомнения, что и Мячково на Богане некогда было вотчиной Мячковых. Километрах в 15 от этой вотчины Мячковых, на

---

[1] Олбуга — Алабуга (по узб.— окунь). Ср. существующее ныне на р. Мологе, в 9 км от г. Бежецка, село Алабузино. В конце XIV в. с. Алабузино принадлежало боярину Фед. Андр. Свиблу и было конфисковано у него, когда он попал в опалу, вел. кн. Васильем Дмитриевичем (СГГиД, т. I, № 34).

[2] Писцовые книги Московского государства, т. I, стр. 7.

[3] М. Дьяконов. Акты тяглого населения, вып. 2, № 24.

р. Большом Киржаче, мы находим дер. Старкову. Эта дер. Старкова и соседняя с ней Артемьева, по актам в 1547 г., были смежны с вотчиной Дм. Ив. Мячкова с братьями [1]. Едва ли можно сомневаться, что здесь на Киржаче и на Богане раньше, в XV в., находились значительные вотчины Старковых и Мячковых, с течением времени раздробившиеся между сонаследниками и частью перешедшие в другие руки.

Это предположение подтверждается тем еще, что по актам нам известно присутствие большой вотчины Старковых во второй половине XV и в первой четверти XVI вв. в той же местности на запад от г. Александрова [2].

Наконец, отмечу, что в 20 км от Мячкова, на устье Пахры, находится селение Старково, при слиянии Гжели и Донинки, в быв. Богородском уезде.

Приведенные 4 более или менее близких соседства по вотчинам Старковых и Мячковых никак нельзя признать случайностью. Прежде чем попытаться объяснить этот факт, следует при помощи актового материала несколько осветить вопрос о четырех селах Черкизовых.

О подмосковном Черкизове известно следующее. Митрополит Алексей основал Чудов монастырь, по духовному завещанию 1378 г. обеспечил его большим земельным вкладом и дал, между прочим, с. Черкизово, «что есми купил у Ильи Озакова» [3]. Илья и Сергей Озаковы, иногда: Азаковы и Азбяковы, были митрополичьими слугами из крещенных татар [4]. Можно высказать предположение, что царевич Серкиз недолго владел своим подмосковным селом и продал его своему соотечественнику Ил. Озакову, который, служа митрополичьему дому, продал Черкизово митрополиту Алексею.

Относительно коломенских сел Мячковых и Черкизова известно, что они в первой половине XV в. были куплены у их владельцев вел. кн. Софией Витовтовной и Василием Темным. София в духовной 1453 г. упоминает в числе своих купель с. Мячково на Пахре. Из второй духовной вел. кн. Василия (1462 г.) видно, что он купил у вдовы Федора Андреевича Старка (внука Ивана Серкиза) Анастасии (ср. выше с. Настасьино) «село Мячково и с деревнями», а у ее дочери Ирины, вдовы Алексея Игнатьевича Жеребцова, «села Настасьины и Оринины», «на реце на Москве» [5].

На основании этих свидетельств можно предположить, что первое Мячково было куплено вел. кн. Софией непосредственно у Мячковых, а Мячково под Коломной было продано Мячковыми Серкизовым, а за-

---

[1] В 1557 г. царь Иван дал Киржацкому монастырю черные деревни Артемьевского стана смежно с вотчиной Мячковых (Арх. Троицко-Серг. лавры, кн. 523, лл. 40 об.— 46).

[2] Моск. гос. ист. музей, Синод. собр., № 176, лл. 34 об.—37 об.

[3] Холмогоровы. Указ. соч., вып. V, 30.

[4] Сергий Озаков в 1377 г. сопровождал Митяя в Царьград (ПСРЛ, т. VIII, стр. 31).

[5] СГГиД, т. I, стр. 207.

тем вдова Фед. Андр. Старка Серкизова и ее дочь продали вел. кн. Василию свои коломенские села: Настасьино, Мячково и Черкизово.

Чтобы закончить изыскания о вотчинах Серкизовых, напомню о крупной вотчине Ф. А. Старка, о с. Куралгине в Дмитрове, которое в середине XVв. было дано вдовой Старка Кириллову монастырю.

Несомненно, что Серкиз и Олбуга при выезде были пожалованы вотчинами. Возможно, что они привезли с собой из Орды остатки своих состояний и приобрели также земли на свои средства. Во всяком случае, они и их ближайшие потомки, несомненно, были богатыми и многовотчинными людьми. Как пришельцы, незнакомые с русским языком и новыми условиями жизни, они стремились селиться по соседству, что было отмечено выше. Московские князья не только не видели в этом никаких неудобств, но и сами селили татар целыми гнездами или даже большими группами. В XV—XVI вв. мы видим в Коломенском, Каширском, Рязанском (ср. Бордаковские татары), Касимовском и Романовском на Волге уездах большие гнезда и группы татар. Попавши в непривычные условия оседлой жизни и хозяйства, татары не сразу к ним приспособлялись, и не всем это удавалось. Этим можно объяснить несомненный факт быстрого обезземеления Черкизовых и Мячковых. Они продавали свои вотчины князьям и частным лицам и раздавали монастырям. Так, в середине XIV в. Серкиз продал подмосковное Черкизово Илье Озакову, который, в свою очередь, продал его митрополиту Алексею. Его внук Федор Старко дал с. Старково в Гороховце Суздальскому Спаса Евфимьеву монастырю, а вдова Старка дала с. Куралгино в Дмитрове Кириллову монастырю и продала великому князю свои коломенские села. К концу XV в. у Старковых оставались вотчины только в Переяславском уезде и, может быть, во Владимире.

Внимательное отношение к топонимике местности позволяет иногда восстановить интересные страницы такого далекого прошлого, от которого не осталось никаких памятников письменности.

Древняя Москва возникла на перекрестке водных и сухих путей. У самых стен Москвы проходил путь из бассейна Москвы в бассейн р. Клязьмы. По р. Яузе поднимались на лодках вверх до того места, где она поворачивает почти под прямым углом на юг и уходит в большое торфяное болото. Здесь в настоящее время находятся Мытищи с большим вагоностроительным заводом. От Мытищ шел волок, километров в семь, в Клязьму. Перетащенные по суше лодки спускали в Клязьму около существующего ныне селения Городища. Возле Городища находится Болшево, где ныне помещается Дом отдыха научных работников, а на другом берегу Клязьмы, против Болшева, лежит деревня Баскаки.

Историю этой местности можно представить себе в таких чертах. Яузский путь существовал, вероятно, с незапамятных времен, задолго до возникновения Москвы. На том месте, где находятся Мытищи, был пункт сбора проезжих пошлин с людей и судов, которые носили общее название — мыт. На другом конце волока, на р. Клязьме, для охраны

пути был поставлен городок, т. е. небольшое укрепление. Затем известно, что татары, после завоевания Руси, первое время пытались управлять ею непосредственно и сбирать с населения налоги при помощи ханских чиновников, которые назывались баскаками. Яузский мыт давал хороший доход, и для контроля его поступления здесь был посажен ханский баскак. Память об этом осталась в селении Баскаки.

В XIV в. Яузский путь был заброшен. На р. Яузе в конце XIV в. упоминаются мельницы и мельничные плотины, например в Свиблове, а несколько позже — в Тайнинском и Лашутине[1]. Когда Яузский путь был заброшен, то сбор пошлин (мыта) прекратился, городок стал ненужен и запустел. Место, где некогда сбирали мыт, в XV в., называлось Яузским мытищем[2], а на месте городка возникло селение Городище. Следует заметить, что названия Мытище и Городище вовсе не означают: большой мыт и большой город. Оба названия образованы по аналогии с образованиями: селище, что значило — место запустевшего села, или усадище — место запустевшей усадьбы. Поэтому Мытище значит место, где некогда сбирали мыт, а Городище — место заброшенного города.

Если не говорить о чисто филологических работах по топонимике, то можно сказать, что топонимический материал до сих пор использовался главным образом для освещения вопросов колонизации и вообще взаимовлияний различных народностей, живших на той или иной территории. Выше было сказано и показано на примерах, какой богатый материал дает топонимика селений для истории землевладения. Но ценность топонимических материалов этим не исчерпывается, они могут быть использованы и в других важных вопросах истории.

Таким является вопрос о слободах. Для освещения этого важного вопроса в памятниках до XV в. мы имеем очень скудный материал. С конца XV в. мы имеем десяток жалованных грамот на слободы, которые дают возможность выяснить их юридическую структуру. Но и для XVI в. количество актов о слободах очень невелико. Поэтому становится понятным, как и почему историография, можно сказать без преувеличения, проглядела это важное явление, и значение слобод в истории Северо-Восточной Руси остается невыясненным. Между тем, в XII—XV вв. слободская форма поселений играла огромную роль и в колонизации Руси, и в ее социально-экономическом укладе. В центральных районах государства слободская форма поселений в XVI в. выходит из употребления, но на восточных, северных и южных окраинах государства применяется не только в XVI, но и в XVII вв.

Топонимический материал значительно пополняет памятники письменности и позволяет выяснить истинные размеры этого многовекового

---

[1] Вместо Яузского пути в XIV—XVII вв. пользовались для перехода из р. Москвы в Клязьму другим путем: из р. Москвы поднимались по ее притоку, р. Нерской, верховье которой подходит близко к р. Ушме, притоку Клязьмы. Между Нерской и Ушмой был небольшой волок, не больше 2 верст.

[2] ЦГАДА, грамота Коллегии экономии, № 7144.

и важного явления. Прежде чем доказать это положение примерами, следует хотя бы вкратце сказать, в чем состояла слободская форма поселений.

Слово «слобода» есть испорченное свобода. Князь «ослобожал», освобождал, т. е. разрешал, частному лицу или коллективу лиц «сесть», т. е. поселиться, на участке пустой княжеской земли, заводить хозяйство, призывать к себе в слободу охочих вольных людей и «копить» на князя слободу. Чтобы заселение пустых земель шло успешно, князь давал слобожанам различные привилегии и льготу в податях на 10, 15 и даже 20 лет. Эти привилегии определялись особой жалованной грамотой. В моей работе «К вопросу о происхождении вотчинного режима» было показано, что слободские жалованные грамоты в существенных чертах были тождественны с иммунитетными жалованными грамотами частным землевладельцам, монастырям и церковным учреждениям. Прежде всего князь брал слободу под свое покровительство: слобожане в делах между собой были подсудны своим выборным или слободскому приказчику; сам приказчик был неподсуден местным властям, наместникам и волостелям, а только самому князю. Таким образом слобожане имели на срок льготы или бессрочно, смотря по жалованной грамоте, известную автономию и независимость от местных властей и защиту со стороны князя. В условиях феодальной необеспеченности прав личности слободские преимущества и защита князя имели огромное значение. Слободы возникали в большом количестве, на протяжении не менее как четырех веков, на всей территории Руси от берегов Белого моря до крайнего Юга и от Новгорода на Западе до Урала на Востоке. Особенно много слобод было на границах княжеств, чаще всего подвергавшихся разорениям при княжеских междоусобицах, и на южных и восточных окраинах Руси, подвергавшихся постоянным нападениям южных кочевников и иноплеменных соседей Руси.

Слободы были различных размеров. Были мелкие слободки, имевшие не более 150 десятин (слобода Чечевкина в Переяславском уезде), но были и такие огромные слободы, как Караш в Ростовском уезде или Корякова слобода в Юрьевце на Волге, которые занимали пространство в несколько десятков тысяч десятин и превратились с течением времени в целые волости. На основе слобод возникали целые города, например, Мезень (б. Окладникова слобода), Романов на Волге, Александров, Вязники и Судогда в быв. Владимирской губ., Краснослободск, Слободской (Вятской губ.), существующие и в настоящее время. В общем не подлежит никакому сомнению, что слободы были не местным и не случайным явлением в истории Руси, а очень распространенным, многовековым и сыгравшим очень большую роль в заселении Руси и образовании великорусского государства.

После этого необходимого отступления вернемся к топонимике и к вопросу о том, что она может дать для исследования истории слобод. Слободские привилегии в большинстве случаев были временными. По истечении срока льготы слобода лишалась своих преимуществ и входила

в состав стана или волости, в которых она находилась. Вместе с тем слобода часто теряла в источниках свое название слободы и превращалась в группу селений, входивших в состав волости или стана. И только случайно мы узнаем иногда, что то или иное селение было когда-то слободой. Этим объясняется то, что в источниках мы находим мало указаний на слободы. Вот это обстоятельство и заставляет нас прибегнуть к помощи топонимики и дополнить таким образом данные источников о слободах.

Просматривая списки населенных мест, мы находим везде большее или меньшее количество селений с названиями: Слобода, Слободка, Слободское, Слободище (т. е. место бывшей слободы) и т. п. Ничего «слободского» в этих селениях теперь нет, это полустертые временем следы бывших слобод. Былые названия этих селений и имена их основателей потеряны. Количество слобод, сохранивших свои названия, невелико. Собирая, однако, тщательно данные топонимики существующих селений и комбинируя их с показаниями источников, можно составить большие списки слобод по уездам и частью найти им место на карте.

Приведу пример. Рязанская земля несколько веков подвергалась постоянным нападениям со стороны степных кочевников. Естественно, что здесь мы можем ожидать большого количества слобод. К сожалению, те же нападения уничтожали и памятники письменности, и по Рязанской земле они дошли до нас в очень небольшом количестве. Не претендуя на полноту, укажу, что в писцовых книгах Рязанского края, напечатанных В. Н. Сторожевым в Трудах Рязанской архивной комиссии, мы находим на территории быв. Рязанского уезда, довольно близко совпадающей с пределами быв. Рязанского княжества, 24 слободы. На картах (например, на трехверстке Топографического управления и четырехверстке Менде) мы находим еще 21 слободу. Наконец, в различных актах Рязанского края, опубликованных Пискаревым и Юшковым, мы находим еще 3 слободы.

Приведу другой пример — Белевское княжество, по которому не сохранилось ни одного акта. На современных картах мы находим вокруг г. Белева, в расстоянии от 6 до 15 км, 8 слобод. А сколько слобод и других селений исчезло бесследно от татарских опустошений!

Подводя итог, мы можем сказать, что при помощи материала топонимики селений, актов и других источников мы можем уже сейчас, не предпринимая специального исследования, установить существование на территории Руси XV—XVI вв. около 300 слобод. Если же принять во внимание отмеченный выше факт легкого превращения слобод в обычные селения, то становится несомненным, что слободы — это очень распространенное и важное явление Руси XII—XVI вв. И в полной мере значение этого явления может быть выяснено только при помощи топонимики селений.

Основное требование любого исторического исследования — это всегда иметь ясное представление о местности, в которой происходили исследуемые и описываемые явления. Поэтому историк всегда должен

иметь под руками, а в случае надобности и перед глазами, географическую карту и постоянно справляться с нею. Соблюдая это правило и комбинируя топонимические данные с актовыми источниками, мы можем иногда вскрыть такие явления и факты, которых не заметим, если будем изучать акты, не справляясь с географической картой.

Прямо на север от Москвы, между р. Клязьмой и верховьями Яхромы, в быв. Манатьине и Быкове стану Московского княжества, находилась митрополичья волость Сельцы или, иначе, Селецкая волость. Она была дана митрополичьему дому в первой половине XIV в., когда митрополиты «всея Руси» переселились из Киева — сначала во Владимир на Клязьме, а затем в Москву. Митрополиты имели в Селецкой волости права высшего суда и дани и были совершенно независимы от московских наместников и местных волостелей. Отряды митрополичьих слуг принимали участие в княжеских походах под стягом митрополичьих бояр-воевод. Наконец, есть указания, что и посторонние митрополичьему дому люди, имевшие вотчины в Селецкой волости, были подчинены судебной и налоговой власти (быть может, не во всех отношениях) митрополитов. Словом, Селецкая волость была как бы полунезависимым вассальным княжеством и чрезвычайно характерным для русского феодализма явлением.

Дальнейшая история Селецкой волости такова. Известно, что вследствие борьбы кандидатов митрополичья кафедра в XIV и XV вв. несколько раз оставалась вакантной, например, после Алексея (1378 г.) — 10 лет, после Фотия — 17 лет. Этими периодами безвластия пользовались митрополичьи слуги и посторонние люди, преимущественно представители крупного московского боярства. Слуги продавали свои и, быть может, иногда митрополичьи земли посторонним людям, а последние выпрашивали у князей на свои старые вотчины и на земли, купленные у слуг, жалованные несудимые грамоты и выходили сами и выводили свои земли из-под юрисдикции митрополитов. Таким образом Селецкое княжество митрополитов с течением времени разлагалось. По сохранившимся источникам второй половины XV и первой трети XVI вв. Селецкая волость представляется уже совсем разложившейся; от огромной первоначальной территории в руках митрополитов сохранилось несколько клочков, чересполосно с вотчинами частных лиц и остатками вотчин митрополичьих слуг. Как пережиток и жалкий остаток старины за митрополитами осталось право на мелкие доходы вроде конского пятна, пошлины с продаж и мен лошадей.

Актовый материал, как было упомянуто, относится к позднему времени и не дает возможности установить первоначальную территорию Селецкой волости, но здесь нам приходит на помощь топонимика селений. Центром волости было существующее ныне с. Тройца, прежде — Тройца-Сельцы. В недалеком расстоянии от Тройцы находятся селения: с юга — Шолохова, на северо-восток — Лысково и Марфино, прежде — Марфино-Щибрино, на северо-запад — Горки, прежде — Горки-Якшилово, и, наконец, на север, на р. Черной грязи, на границе Дмитровско-

го уезда, Хлябово, прежде — Хлябово-Чертово. Все эти селения находятся сравнительно недалеко от с. Тройцы, но километрах в 16 на восток от Тройцы мы находим селения: Ельдегино, на р. Вязи, а еще дальше на верховье Вязи — с. Митрополье. По тем же упомянутым выше актам мы знаем, что Якшиловы, Щибрины, Ельдегины и Чертовы были «извечными» слугами митрополичьего дома, что Иван Шолох и Василий Лыско Михайлович Чертовы жили на рубеже XV и XVI вв. [1].

Таким образом, по актам и по данным топонимики устанавливается, с некоторым приближением к истине, первоначальная территория Селецкого «княжества» митрополитов. Оно занимало почти весь бассейн р. Учи, доходя на юге в некоторых местах до р. Клязьмы; на востоке лежало по теченью Вязи (приток Учи); на севере переходило за границы Дмитровского уезда и захватывало существующие ныне селения Спасское и Ермолино. Так устанавливается новый и весьма интересный факт из истории русского феодализма XIV—XV вв.

Перед советской топонимикой стоят важные задачи, с которыми не приходится иметь дело западноевропейским ученым. Дело в том, что в состав СССР входит ряд народностей, которые до недавнего времени не имели своей письменности и не имеют вследствие этого своих письменных памятников. Русские источники односторонни и в общем относятся к позднему времени истории этих народов, когда они вошли в сношения с русскими и подпали под власть Русского государства. Таким образом древнейшая история этих народов остается неосвещенной. Топонимический материал, вследствие присущей ему живучести, «консервативности», как говорят ученые, является очень ценным,— более ценным, чем данные археологии,— материалом.

Тщательное собирание его и научная обработка прежде всего необходимы для истории языка этих народов. Затем названия исчезнувших и существующих селений могут послужить ценным материалом для выяснения основной территории народностей и в некоторой степени могут осветить передвижения и смещения той или иной народности под влиянием различных причин.

По этому вопросу существует очень большой архивный материал, большею частью не опубликованный и очень слабо разработанный. Для двинского побережья Белого моря можно указать, например, на такой ценный источник, как сотницы с писцовых книг 1553 и 1559 г., а для бассейна Онеги — сотные грамоты Каргопольского и Турчасовского уездов с писцовых книг 1556 г. [2]. По Кольскому полуострову следует указать описание 1608—1611 гг., частично напечатанное и использованное с этнографической точки зрения известным этнографом Н. Н. Хару-

---

[1] Источник — книга домовых вотчин дома митрополитов (Моск. гос. ист. музей, Синод. собр., кн. 276).

[2] ЦГАДА, Городовые книги по Клину, кн. 2, и по Каргополю, кн. I, Сотницами или сотными грамотами назывались окладные росписи, по которым население платило всякие налоги ряд лет, от одного описания до нового.

зиным, но не изученное как топонимический материал [1]. Для бассейна Вычегды (область коми-зырян) следует напомнить о писцовых книгах 1608 г. Выми Яренгской, напечатанных в 1914 г. А. М. Гневушевым, но до сих пор не использованных для топонимического исследования [2]. Описания по Вятской и Пермской областям известны, частично напечатаны, но с топонимической точки зрения также не изучены [3].

Богатейший материал для топонимических исследований представляют дела Сибирского приказа, описанные Н. Н. Оглоблиным. Особенно важны так называемые Ясачные книги, описания, по своей цели аналогичные писцовым книгам европейских уездов Московского государства [4].

Большой материал по территории народов Среднего Поволжья, к сожалению, относится только к XVII в. и к более позднему времени, но, тем не менее, представляет богатое поле для топонимических исследований [5].

Не имея в виду дать полный указатель архивных и напечатанных источников по указанному выше вопросу, я ограничусь приведенными указаниями, полагая, что их вполне достаточно, чтобы показать читателю, какие огромные возможности открываются перед молодыми советскими учеными в области топонимических исследований по территориям народов СССР.

---

[1] Н. Харузин. Русские лопари, Известия общества любителей естествознан., антропол. и этногр., тт. I, XVI. Труды Этнограф. отдела, т. X. Подлинные писцовые книги см. ЦГАДА, отд. Писцовых книг, № 208.

[2] Акты времени правления царя Василия Шуйского М., 1914, изд. Общества ист. и древн. Росс., в серии Материалов по истории Смутного времени.

[3] Обзор описаний и указания на напечатанные и архивные источники. См. С. Веселовский. Сошное письмо, т. II, стр. 587, 618; там же указаны книги XVII в. по Пустоозерскому уезду.

[4] Н. Оглоблин. Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа (1592—1706), 4 выпуска, М., 1895—1901 гг.

[5] В большей части хранится в ЦГАДА, в отделах Писцовых и так называемых отказных книг.